

Ростовская СТАРИНА

Выпуск № 27 (196)

Март, 2024

Газета

Государственного

музея-заповедника

«Ростовский кремль»

К 180-летию Андрея Александровича Титова

Находка А. А. Титова, сыгравшая счастливую роль в судьбе Ростовского кремля

В фонде архитектурных чертежей, карт и панов Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» хранятся уникальные чертежи кремлевских фасадов начала XIX века (ил. 1, 2, 3, 4). Открытые А. А. Титовым в 1880 г., они послужили отправной точкой в рождении и реализации масштабного проекта ростовцев – спасения от окончательного разрушения Ростовского кремля и создания в его стенах музея.

16 октября 1880 г. Андрей Александрович информировал своего приятеля, секретаря Московского археологического общества (далее – МАО) Василия Егоровича Румянцева (1822–

1897): «Спешу сообщить Вам о находке весьма важной. Мне удалось приобрести 6 листов видов Рост[овского] кремля в 1820 г. прекрасно исполненных и в большом размере, а также и с пла-

нами. Архиерейский дом, Белая палата, а главное, совсем сломанная Красная палата изображены красками со всеми украшениями. Башни с орнаментами. Если это будет интересно, то я могу сообщить в обществе. Все виды прекрасной работы. Их хотели, было, предать на истребление ребятам, и только случай спас» (ГИМ. Ф. 179. Д. 18. Л. 22).

Это была пора, когда ростовец А. А. Титов стремительно входил в научный мир Белокаменной столицы. Знакомство летом 1878 г. с А. И. Кельсиевым, археологом и хранителем Политехнического музея, открыло молодому

ростовскому купцу, «энергичному и разносторонне образованному председателю местной управы» (по характеристике Кельсиева), возможность для новых встреч и важных знакомств, ставших для него судьбоносными. Поистине спасительными они оказались и для древних памятников Ростова. Именно этот круг московских ученых, в числе которых председатель МАО граф А. С. Уваров, В. Е. Румянцев, Е. В. Барсов, И. Е. Забелин, А. И. Кельсиев и другие, активно поддержали А. А. Титова в его стремлении сохранить родную старину, открыли ему «целый мир новых понятий» в научной

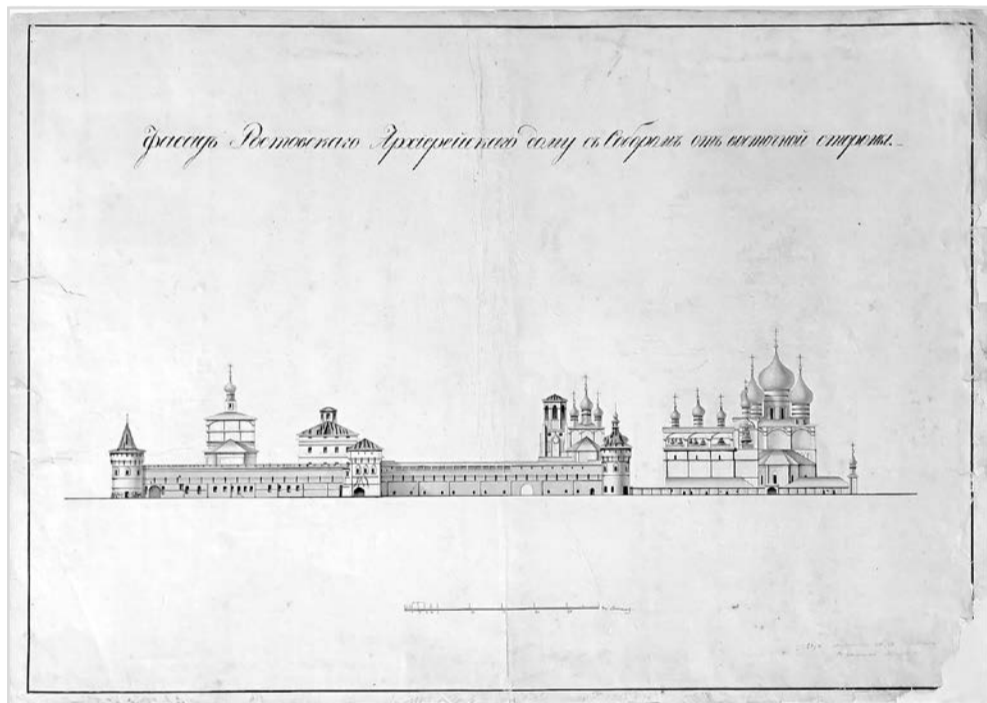
и памятникоохранительной деятельности.

10 апреля 1880 г. в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии А. А. Титов, в качестве члена этого общества (с октября 1879 г.), по инициативе А. И. Кельсиева делает свой первый доклад перед ученой публикой. Тема его выступления была посвящена ростовскому финифтяному промыслу.

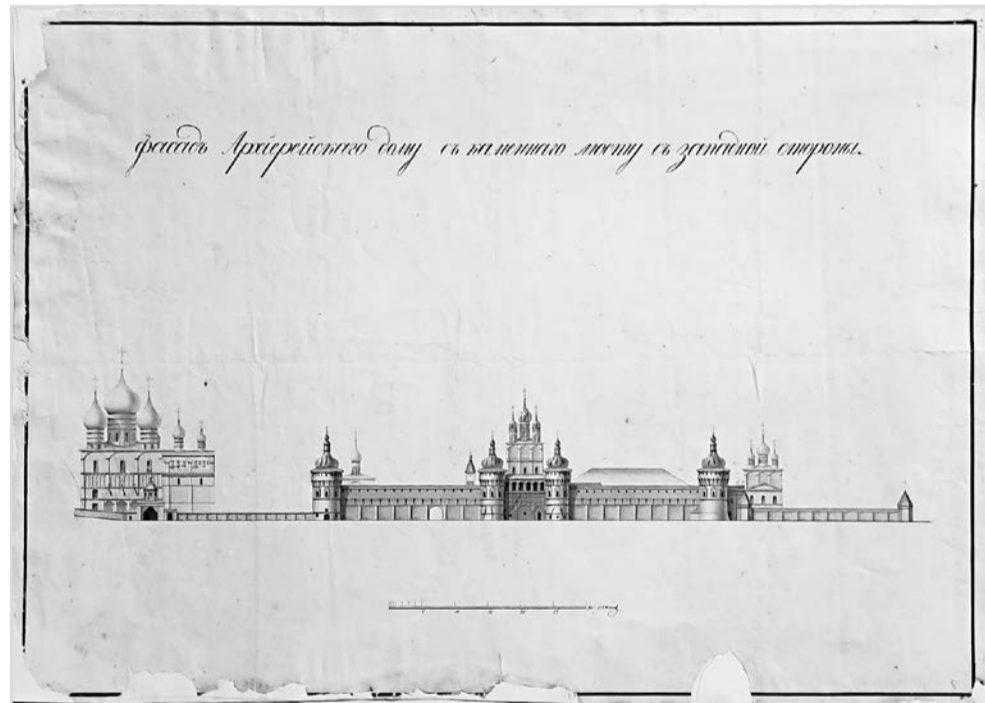
В члены-корреспонденты МАО А. А. Титова избрали 5 февраля 1880 г. Учитывая проявленное внимание любителя-археолога к деятельности этого научного общества и желание делить-

ся с ним ростовскими археологическими древностями и сведениями о них. Это, в свою очередь, прививало любовь и вкус к научной работе – накоплению и систематизации знаний. 12 мая А. А. Титов впервые участвует в заседании МАО и дарит обществу рисунок редкого резного креста XIV века из церкви Никольского погоста Ростовского уезда, сопроводив поднесение подробной справкой о памятнике. Впоследствии это распятие войдет в историографию под названием «Иисусова креста», о нем будут писать многие ученые.

Продолжение – на 2-й стр.

Ил. 1. Чертеж восточного фасада Ростовского кремля. 1830-е гг. Копия с чертежа П. Я. Панькова 1818 г. ГМЗРК. АР-1

Ил. 3. Чертеж западного фасада Ростовского кремля. 1830-е гг. Копия с чертежа П. Я. Панькова 1818 г. ГМЗРК. АР-78

Ил. 2. Чертеж фасада Ростовского кремля в разрезе со взглядом на южную сторону. 1830-е гг. Копия с чертежа П. Я. Панькова 1818 г. ГМЗРК. АР-77

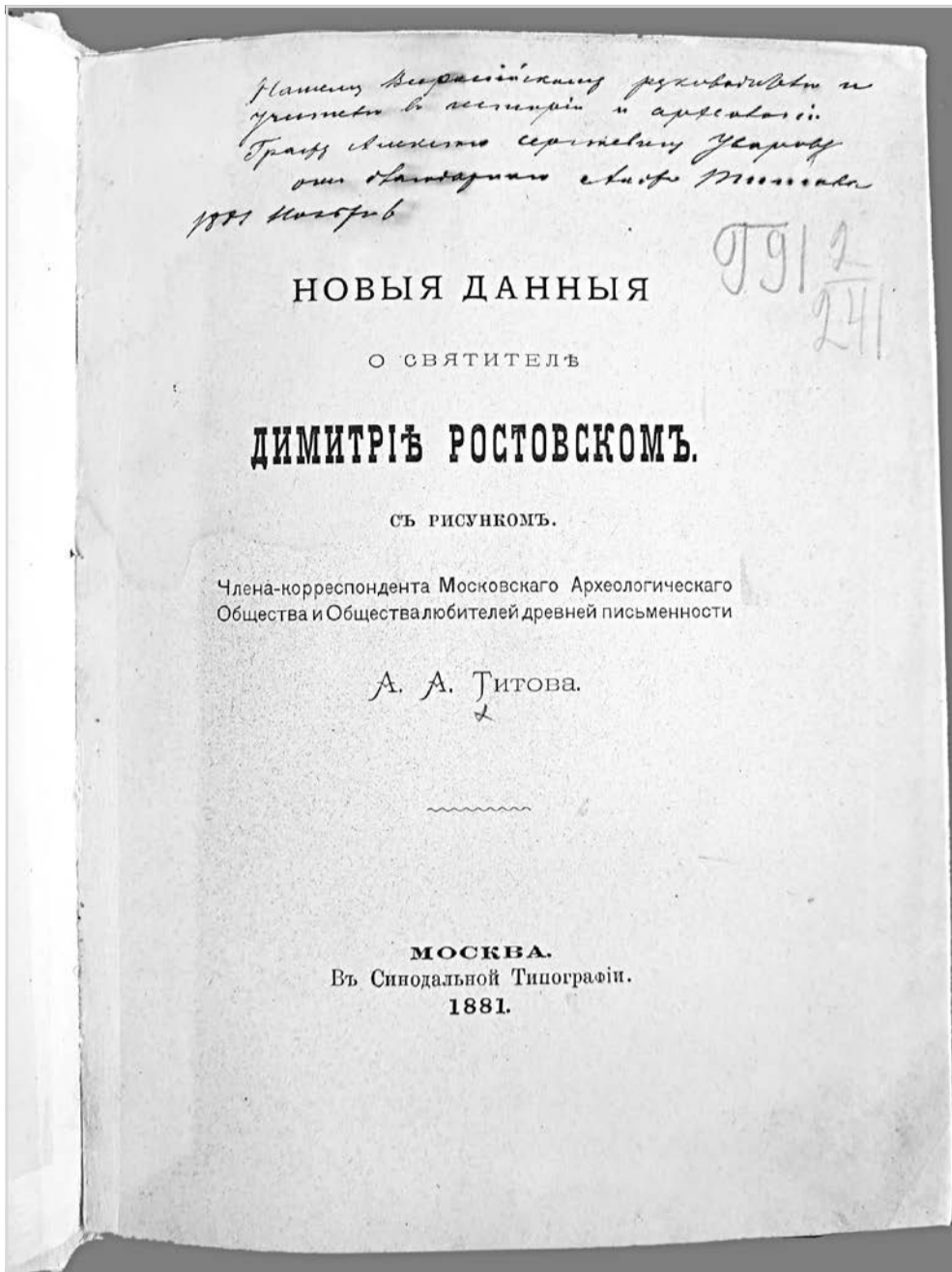

Ил. 4. Чертеж южного фасада Ростовского кремля. 1830-е гг. Копия с чертежа П. Я. Панькова 1818 г. ГМЗРК. АР-1037

К 180-летию Андрея Александровича Титова

Находка А. А. Титова, сыгравшая счастливую роль в судьбе Ростовского кремля

Продолжение. Начало – на 1-й стр.

Ил. 5. Экземпляр книги А. А. Титова «Новые данные о святителе Димитрии Ростовском» (М., 1881) с дарственной надписью автора графу А. С. Уварову. ГПИБ

Начальный период исследовательского творчества оказался ознаменован и появлением первых научных изданий А. А. Титова, осно-

ванных на документальных памятниках. В свет выходят «Дозорные и переписные книги древнего города Ростова» (М., 1880). Эту публи-

кацию начинающий историк и археограф посвятил «любителям отечественной истории и археологии». Один из первых экземпля-

ров издания сразу оказался в библиотеке МАО. Соответствующая дарственная надпись А. А. Титова от 9 апреля 1880 г. сохранилась в книге из коллекции предпринимателя И. Н. Синюшкина. Этот редкий экземпляр не так давно был, по счастью, приобретен на букинистическом рынке, а в октябре – декабре 2022 г. демонстрировался в составе книжной коллекции на выставке в Белой палате Ростовского кремля.

В октябре 1880 г. в Синодальной типографии на Никольской улице в Москве, «инспектором» которой был Василий Егорович Румянцев (его должность подразумевала осуществление руководства всем издательским процессом, включая редактуру), из печати выходит новое издание А. А. Титова – «Краткое учение о семи таинствах церкви святителя Димитрия Ростовского, исправленное собственною его рукою». В это же время приятели обсуждают грядущее издание, вновь связанное с великим духовным просветителем, – «Новые данные о святителе Димитрии Ростовском».

Книга будет отпечатана в конце лета 1881 г. А 6 ноября в заседании МАО, первом после Тифлисского археологического съезда («билет» на который ростовец получил от самого графа Уварова, но по ряду обстоятельств не смог поехать на Кавказ), А. А. Титов представил ее своим коллегам. Участниками заседания под председательством графа А. С. Уварова были именитые ученые – историки, антропологи, археологи: архимандрит Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), Д. Н. Анучин, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, Е. В. Барсов, В. Е. Румянцев, А. И. Кельсиев и другие. Преподнося свое издание всем

присутствующим, автор вдохновенно подписал книгу председателю МАО: «Нашему всероссийскому руководителю и учителю в истории и археологии графу Алексею Сергеевичу Уварову от благодарного Андрея Титова». Этот в своем роде уникальный экземпляр, свидетельствующий о многом в личной биографии Титова и судьбах Ростовского кремля, ныне хранится в фондах Государственной публичной исторической библиотеки России (ил. 5).

Протокол заседания МАО 6 ноября зафиксировал интересный факт: внимание членов общества привлекли не столько «новые данные» о святителе, сколько опубликованный в книге старинный рисунок «древнего архиерейского дома в Ростовском кремле, в котором жил св. Димитрий, и остатков внутренних лепных украшений, найденных в одной из полуразрушившихся палат этого дома» (ил. 6). То есть вместе с книгой ростовский археолог демонстрировал и находки архитектурных элементов из развалин кремлевской Белой палаты (подобные воспроизведены на фотографии И. Ф. Барщевского, опубликованной в книге Б. Эдинга «Ростов Великий. Углич. Памятники художественной старины», с. 78).

На это и был направлен главный расчет и план А. А. Титова. Именно это он обсуждал с В. Е. Румянцевым, когда будущее издание было еще только в задумке. Не случайно своей документальной находке, «прекрасно исполненных и в большом размере» видов Ростовского кремля, автор уделит столько внимания во введении к публикации материалов о митрополите:

«Но прежде чем сосредоточить свое внимание на простительской деятельности

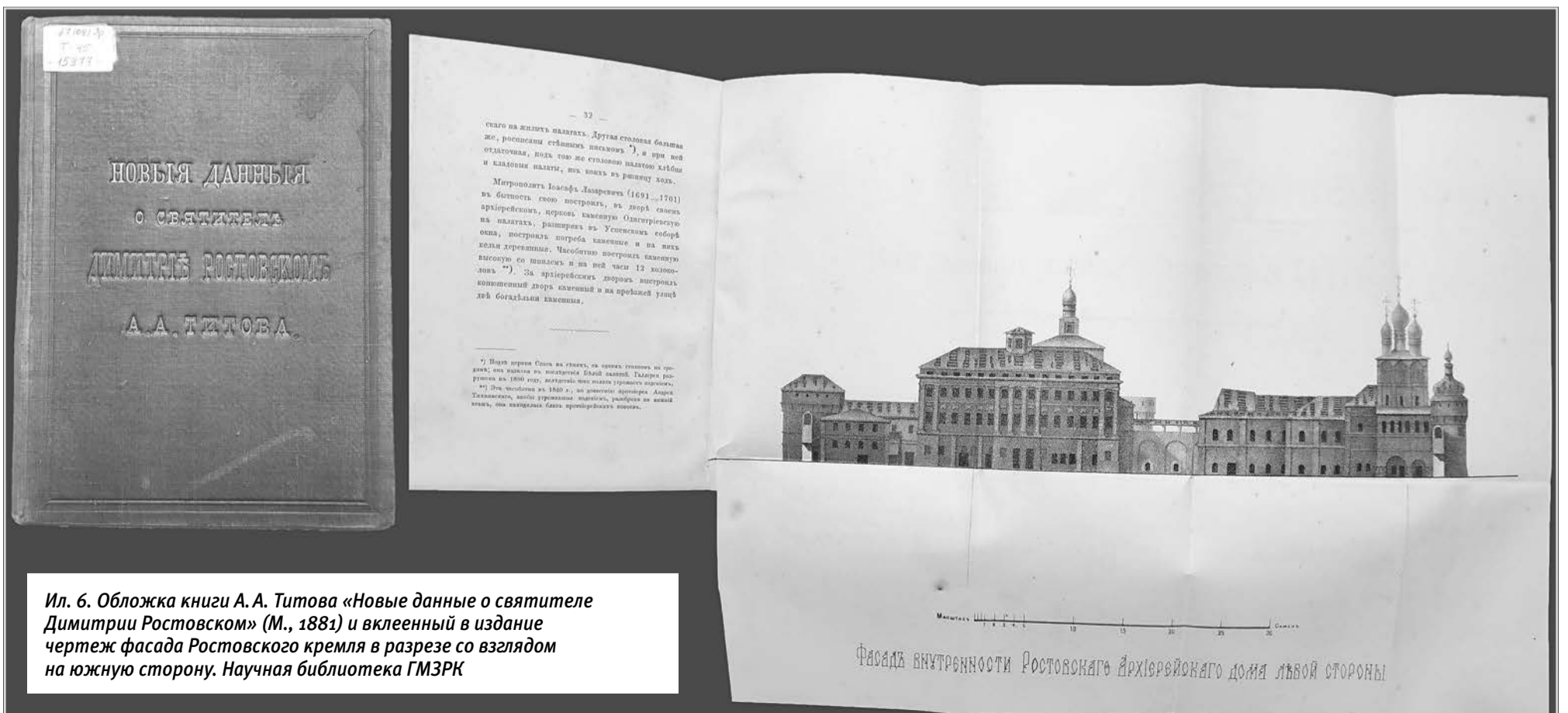
великого святителя, сообщим несколько новых данных о самом месте его жительства в Ростовском кремле.

Кремлевская палата, в которой жил св. Димитрий, представляет в настоящее время далеко не тот вид, какой имела она при жизни великого святителя.

Нам случайно в прошлом году удалось приобрести несколько видов и планов как этих палат, так и кремлевских церквей, снятых в 1818 г. Разница громадная. Нет ни часовой башни, построенной Ростовским митрополитом Иоасафом Лазаревичем [в] 1691–1701 [г.], ни многих наружных стеновых украшений. Митрополичий большой дом, в котором жил святитель, тоже переделан под духовное училище в 1880 г. Белая палата, находящаяся позади этого дома, близка к разрушению, а Красная палата, находящаяся близ церкви Иоанна Богослова, в 30-х годах настоящего столетия превращена в винные погреба. Второй этаж сломан, и она неизвестна. Палата эта, в которой святой Димитрий принимал Петра I, была вся внутри расписана священными изображениями и портретами митрополитов. Кой-где еще сохранились следы стенового письма, но они теперь едва видны и заставлены бочками с вином местным заводчиком и городским головой...

Рисунок Красной палаты и митрополичьего дома, полного воспоминаниями о великом святителе, сделанный в 1818 г., нами здесь и прилагается, вместе с выпиской из Ростовского летописца, составленного Самуилом Миславским, архиепископом Ростовским, относительно построения зданий в Ростовском кремле.

Продолжение – на 3-й стр.

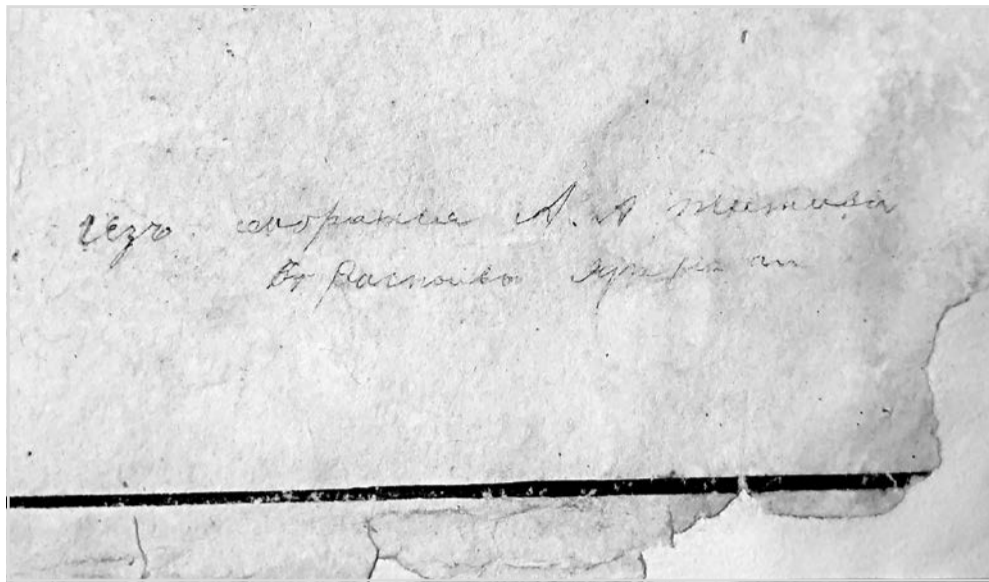

Ил. 6. Обложка книги А. А. Титова «Новые данные о святителе Димитрии Ростовском» (М., 1881) и вклеенный в издание чертеж фасада Ростовского кремля в разрезе со взглядом на южную сторону. Научная библиотека ГМЗРК

К 180-летию Андрея Александровича Титова

Находка А. А. Титова, сыгравшая счастливую роль в судьбе Ростовского кремля

Продолжение. Начало – на 2-й стр.

Ил. 7. Автограф А. А. Титова на чертеже, см. ил. 1.

Ростовский кремль как уникальный объект культурно-исторического наследия, чему пришло полное осознание и что побуждало незамедлительно действовать, отныне был в центре внимания А. А. Титова. Счастливое обретение чертежей и планов в октябре 1880 г. (которым, в свою очередь, тоже грозила гибель) явилось отправной точкой в деле спасения выдающегося памятника древнерусской архитектуры.

28 октября 1880 г., в день освящения Дмитриевского духовного училища в кремле, А. А. Титов, вероятно, мог демонтировать эти уникальные виды ярославскому губернатору В. Д. Левшину, присутствовавшему на торжестве. Многие зафиксированные старинными рисунками не совпадало с печальной действительностью.

В малоприметном примечании в конце своей книги автор старался донести до читателя самую горькую правду о бедственном положении так называемой Столовой палаты: «Подле церкви Спаса на сеньях, с одним столпом посредине; она названа впоследствии Белой палатой. Галерея разрушена в 1880 году, вследствие чего палата угрожает падением». Именно так! А. А. Титов вставал на защиту памятника не столько от стихии безжалостного времени, сколько от небрежения и равнодушия современника, далекого от идеи сохранения культурного наследия. «Жалкую картину разрушения представляла тогда Белая палата. В нее было трудно пройти, везде мусор; в Отдаточной палате оба свода, верхний и нижний, почти совсем провалились», – свидетельствовал А. А. Титов уже в другое время, в протоколе торжественного освящения восстановленной Белой палаты 28 октября 1883 г.

Не случайно копии чертежей «всех кремлевских зданий, снятых в 1818 году», как своеобразный паспорт памятника и руководство к действию, были заказаны А. А. Титовым художнику (вероятно, не ошибемся, если укажем на Николая Гарденина, тогда еще студента архитектурного отделения

Московского училища живописи, ваяния и зодчества, близкого к кругу московских ученых-археологов, в ту пору активно сотрудничавшего с Титовым) и переданы в МАО. Об этом есть свидетельство в книге «Новые данные о святителе Димитрии Ростовском». О том же говорится и в протоколе МАО от 18 февраля 1881 г.: «Чл[ен]-кор[респондент] А. А. Титов принес в дар Обществу старинные планы города Ростова».

Уже в начале 1882 г. В. Е. Румянцев извещал ростовского археолога: «Граф А. С. Уваров с большим сочувствием относится к Вашим заботам о Белой палате...». Тогда же по инициативе А. А. Титова фотограф И. Ф. Барщевский создал первую серию знаменитых снимков памятников Ростова – с развалинами Ростовского кремля, которым суждено было возродиться. 12 марта 1882 г. уникальный альбом из 55 снимков был преподнесен в дар МАО. Фотографами благодарили избранные в члены-корреспонденты научного общества. «Превосходный подарок Вы сделали Археологическому обществу – ростовский альбом», – с восхищением писал А. И. Кельсиев А. А. Титову.

В заседании МАО 21 сентября 1882 г. граф А. С. Уваров зачитал сообщение, полученное от А. А. Титова: «Из этого письма видно, что благодаря особому усердию г. Титова к сохранению памятников нашей старины и его деятельному посредничеству торговый дом братьев Королевых пожертвовал 4000 руб. на возобновление Белой палаты при архиерейском доме в г. Ростове Ярославской губернии, предоставив наблюдение над этой реставрацией Московскому археологическому обществу». После обсуждения известия граф предложил избрать А. А. Титова действительным членом МАО. Открывалась новая страница в научной биографии купца-археолога и многовековой истории Ростовского кремля.

Четыре из шести обретенных А. А. Титовым в 1880 г. чертежей с видами фасадов Ростовского кремля ныне хранятся в музее (судьба двух, к сожа-

лению, пока остается не выясненной). Судя по фондовой документации, в музей эти рисунки поступили до 1927 г., очевидно, вместе с другими предметами из дома А. А. Титова, которыми музей в ту пору активно пополнялся. На одном из видов, с изображением фасада Ростовского кремля с восточной стороны, в правом нижнем углу содержится запись владельца: «Из собрания А. А. Титова в Ростове Ярославском» (ил. 7). Все листы имеют примерно равные размеры – 55×76 см, с водяным знаком Угличской фабрики наследников Попова – «УФНСП 1832».

Первую публикацию одного из рисунков – «Фасад внутренней стороны Ростовского архиерейского дома левой стороны» (в литографированной копии 1881 г.) – в книге «Новые данные о святителе Димитрии Ростовском» осуществил А. А. Титов (ил. 2, 6). Б. Эдин в упомянутой выше книге 1914 г. опубликовал вид южной стороны архиерейского дома, однако, также в отличающейся от музейного («титовского») экземпляра копии (ил. 4).

В советское время к музейной коллекции из шести фасадных чертежей и одного общего плана архиерейского дома обратилась историк архитектуры и реставратор Э. Д. Добровольская, опубликовавшая их в своей статье «Новые материалы по истории Ростовского кремля» (в сб.: Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Древний Ростов. Ярославль, 1958. С. 26–46). Исследовательница констатировала, что все «они принадлежат одному автору и составлены одновременно». Лишь план в своем заглавии имел указание: «снятый 1818 года». Этот чертеж ныне также находится в фонде музея (ил. 8).

Указание на дату – 1818 г. – позволило автору установить связь данных чертежей с проектом инженера А. А. Бетанкура, предлагавшего на месте ростовского «к падению» клянящегося архиерейского дома» выстроить каменный гостинный двор. К счастью, проект не состоялся. Однако подготовительный этап предусматривал фиксацию

фасадных планов Ростовского архиерейского дома. Создание таких чертежей, как установила Э. Д. Добровольская, инженер заказал уже проявившему себя местному художнику-самоучке Петру Яковлевичу Панькову (1770–1848), будущему ярославскому губернскому архитектору. Работа выполнялась в сентябре – ноябре 1818 г. Находившиеся у А. А. Титова чертежи, как справедливо отмечала исследовательница, являлись поздними копиями с указанных подлинников (на это указывает и изготовление бумаги в начале 1830-х гг.).

Со ссылкой еще на один план Ростовского кремля, опубликованный в книге А. А. Титова «Иоасаф Лазаревич, VII митрополит Ростовский» (М., 1887), Э. Д. Добровольская выдвинула версию, что все эти планы «делались по заказу деда А. А. Титова, иначе они не хранились бы у него». Публикуя в указанном исследовании вид кремлевской часовитной башни, А. А. Титов действительно сообщал, что «в бумагах покойного моего деда И. А. Титова сохранился, между прочим, и фасад этой

часовитни, рисунок которого мы и прилагаем». Однако сравнение этих изображений – из находки 1880 г. (обнародованного в статье Э. Д. Добровольской, рис. 5) и опубликованного в 1887 г., показало их очевидную неидентичность. Ошибочно было полагать их общее происхождение. Обнаруженное новое свидетельство в переписке А. А. Титова с В. Е. Румянцевым позволяет говорить о совсем другой истории.

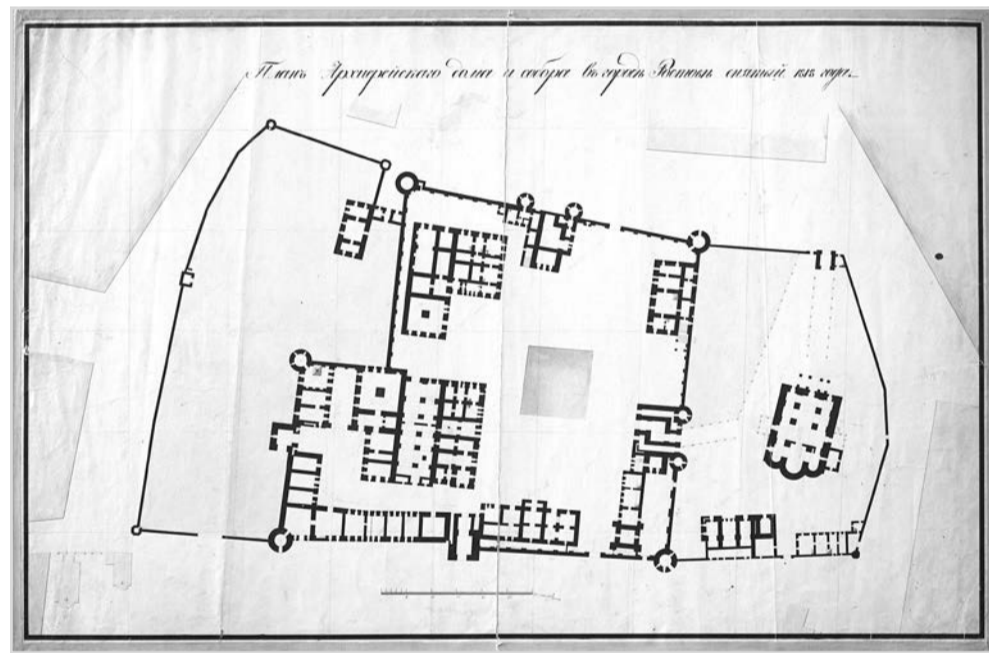
Спасенные в октябре 1880 г. чертежи с видами Ростовского кремля послужили началом большой и славной истории – возрождения памятника зодчества общими усилиями ростовских и московских ученых-археологов. Подобно тому, как подлинные планы П. Я. Панькова (их местонахождение неизвестно) мистическим образом уберегли Ростовский кремль от полного уничтожения в 1818 г., их поздние копии были обретенны на переломном этапе, в определенной мере обеспечив счастливого будущее выдающегося памятника.

Смею предположить, что автором этих неподписанных

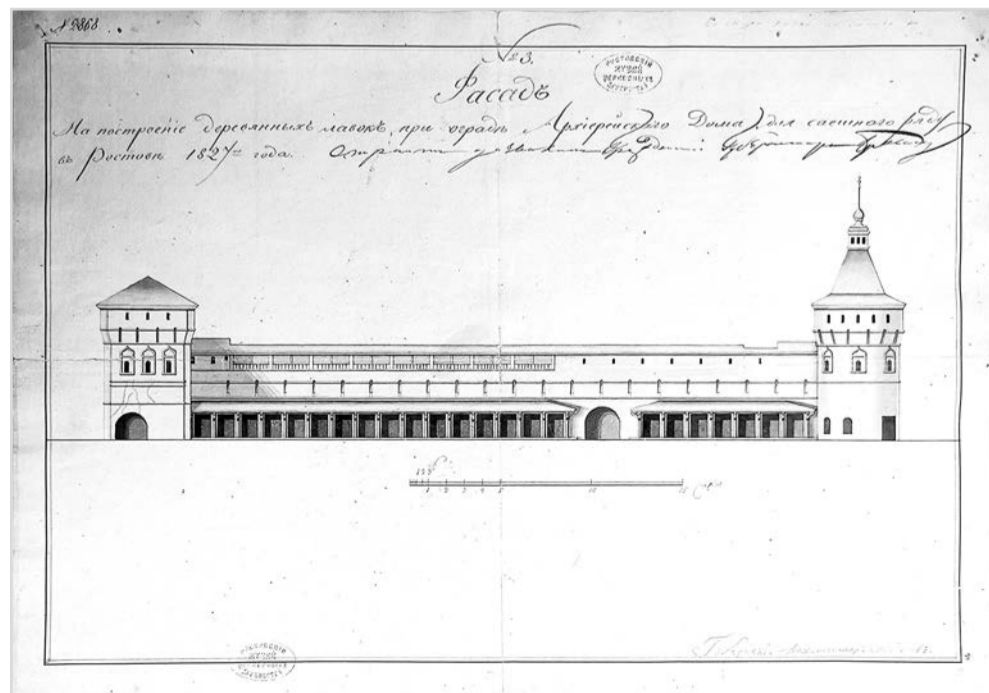
«титовских» копий был сам архитектор П. Я. Паньков – настолько они искусно и тонко исполнены, обнаруживая руку талантливого мастера. Тем более что характерная манера акварельного рисунка, способы прорисовки деталей чертежа и даже почерк с написанием цифр в масштабных шкалах этих планов, – все это находит прямые параллели в подписанных работах архитектора. Сошлюсь, в частности, на чертеж под названием: «Фасад на построение деревянных лавок при ограде Архиерейского дома для саешного ряда в Ростове 1827 года» (ил. 9). Перед нами уже знакомый, вплоть до деталей и расположения трещин-кракелюр, восточный фасад Ростовского кремля (в публикации Э. Д. Добровольской рис. 3).

Впрочем, не будем спешить и оставим это наблюдение в качестве рабочей гипотезы дальнейшего изучения когда-то открытых пытливым и неравнодушным А. А. Титовым «весьма важных» документальных источников – видов Ростовского кремля, созданных в 1818 г.

Ярослав Смирнов

Ил. 8. Чертеж плана Ростовского кремля. 1830-е гг. Копия с чертежа П. Я. Панькова 1818 г. ГМЗРК. АР-117

Ил. 9. П. Я. Паньков. Чертеж «Фасад на построение деревянных лавок при ограде Архиерейского дома для саешного ряда в Ростове 1827 года». ГМЗРК. АР-253

Неизвестное издание первой Ярославской типографии в собрании Ростовского музея

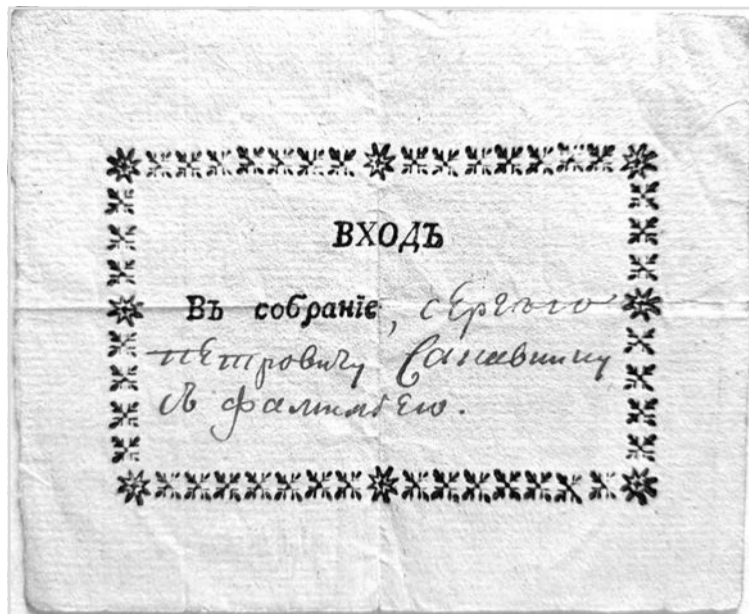
И Ростов, и Ярославль еще в Средние века славились как центры книжности. До наших дней дошли и некоторые рукописные книги, созданные в их скрипториях (среди которых такой шедевр, как Спасское евангелие второй четверти XIII в., созданное в мастерской ростовских архиереев).

Однако гуттенберговская революция пришла в эти города очень поздно – первая ростовская печатная книга увидела свет лишь весной 1875 г., а Ярославль опередил своего «старшего брата» на 90 лет: первая типография (причем частная!) существовала здесь в 1784–1794 гг.

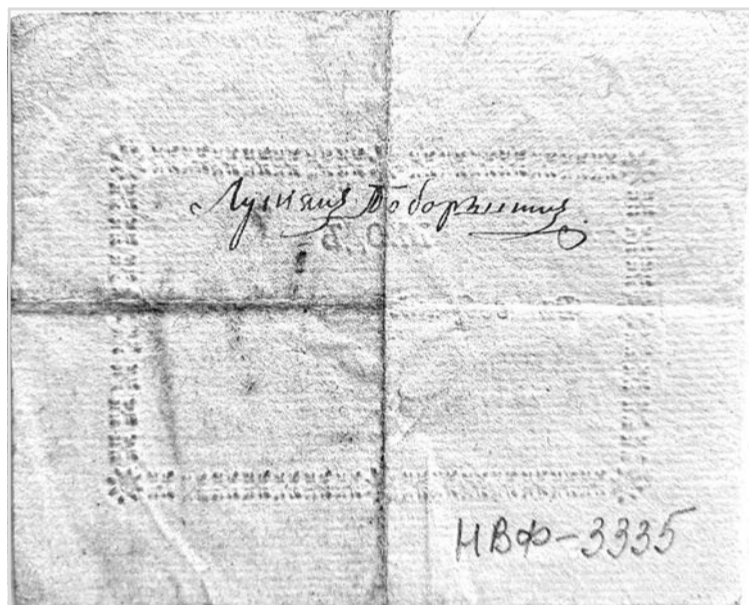
До этого времени было известно в общей сложности о 20 ее изданиях, от текстов на отдельных печатных листах (т. н. «летучие издания») до знаменитого первого провинциального журнала «Уединенный пешехонец», выходившего ежемесячно. Их полный перечень, составленный на основе записей, рассеянных по сводным электронным и бумажным каталогам разных лет изданий, приводится в нашей работе (Первая Ярославская типография (1784): свидетельства архивных документов... // Книжная культура Ярославского края – 2022. Ярославль, 2023. С. 142–159).

Теперь же мы с радостью сообщаем, что недавно в собрании Ростовского музея нам удалось обнаружить совершенно неизвестный ранее «продукт» первой на территории края типографии – 21 по счету!

Просматривая электронный каталог музейного собрания на предмет наличия летучих изданий ростовских типографий (бланков счетов, пригласительных билетов, визитных карточек и т. п.), мы наткну-

Ил. 1, 2. Лицевая и оборотная стороны пригласительного билета С. П. Соковнина. ГМЗРК

лись на предмет, записанный следующим образом: «Входной билет “в собрание” Сергею Петровичу Саввинину», и датированный 1860–1870 гг. (ил. 1, 2).

Однако любой мало-мальски знакомый с культурой Ярославского края последней четверти XVIII в. без тру-

да узнает имя Сергея Петровича Соковнина (в то время было распространено написание «Саковнин»). И любой специалист, хотя бы раз видевший издания первой ярославской типографии, без труда узнает знакомый декоративный орнамент, который (как и почерк)

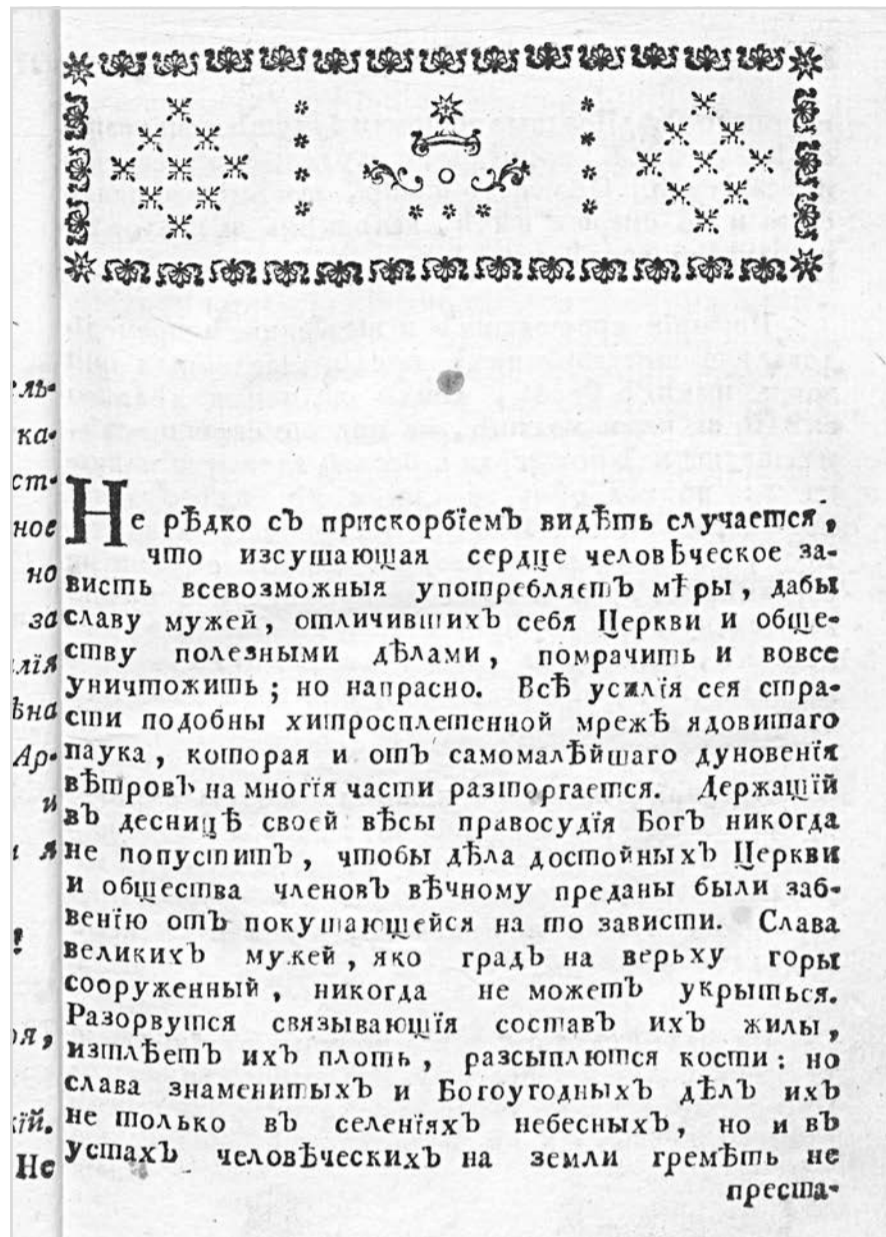
ни в коем случае нельзя отнести ко второй половине XIX в. (ил. 3).

Итак, обнаруженный печатный лист – это бланк билета для входа в Ярославское дворянское собрание. Поиск по Государственному каталогу Музейного фонда РФ не привел к отысканию

таких же предметов в фондах других музеев, но нашлись аналоги: изящные билеты для входа в Российское (Московское) благородное собрание 1818 г., билет для входа в Александровское (Владимирской губ.) благородное собрание 1858 г. и другие. На обо-

ротной стороне этих билетов стоят подписи старшин собрания, как и на нашем экземпляре. При поступлении предмета в музей эту запись не удалось разобрать, но и она все же без труда читается: это подпись Лукьяна Ивановича Боборыкина.

Продолжение – на 5-й стр.

Ил. 3. Первая страница «Слова похвального... Афанасию епископу Ростовскому и Ярославскому» (Ярославль, 1786)

Ил. 4. Портрет Л. И. Боборыкина. Художник Д. М. Корнев

Ил. 5. Портрет С. П. Соковнина. Неизвестный художник

Ил. 6. Портрет Т. Г. Соковниной. Неизвестный художник

Неизвестное издание первой Ярославской типографии в собрании Ростовского музея

Продолжение. Начало – на 4-й стр.

Самое поразительное – это то, что имеются и портреты всех действующих лиц: и Л. И. Боборыкина из «пекунской галереи» Ярославского Дома призрения ближнего (ил. 4), и С. П. Соковнина, ставшего первым директором училища при Доме (ил. 5), и значащейся в билете «фамилии» – его супруги Татьяны Григорьевны (ил. 6).

В архиве священника церкви села Богословского в Захарьево Даниловского уезда Алексея Михайловича Никольского хранится ряд замечательных писем С. П. Соковнина, деятельно принимавшего участие в судьбе молодого священника, который оказывал ему, как писал сам Сергей Петрович, «вспоможение в сочинениях».

Приведем для примера одно из самых кратких, адресованное «Богословскому священно-иерею отцу Никольскому Алексею Михайловичу в Ростове», относящееся к началу 1790-х гг.:

«С Богом начав Святую Четыредесятницу, от искренности поздравляю, желаю препроводить оную в истинных подвигах и достигнуть спасительного Воскресения Спасителя нашего. Денег 10 рублей послано в Ростов с Николаем Петровым, приказано ему купить сукна на рясу, какого тебе полюбится. Мувту [Татьяна] [Григорьевна] шить велела, но не поспела. Прости, любезной мой; помни, любви и не забудь в молитвах своих грешного С. Соковнина. Любезной своей супруге

кланяйся. Береги ее, воздай ей честь, яко немощному сосуду женскому. Вся моя семья кланяется».

Упомянется среди писем и зять С. П. Соковнина, Третий Борноволок (именно его владельческая печать присутствует на самом воспроизводимом изображении титульного листа «Уединенного пошехонца»), лучший выпускник Ярославского дворянского училища 1779 г., ученый-химик, член-корреспондент Академии наук и несостоявшийся второй правитель Русской Америки – назначенный на замену знаменитому Александру Баранову, он погиб в кораблекрушении на шлюпе «Нева» у берегов Аляски в январе 1813 г.

Пригласительный билет поступил в Ростовский музей в июне 1999 г. от его сотрудника В. И. Вахриной. По словам Веры Ивановны, подобные предметы в то время массово поступали в собрание музея без четкой фиксации их происхождения, и его провенанс, к сожалению, ныне неизвестен. При постановке на учет билет неверно атрибутировали, и он попал в научно-вспомогательный фонд как малоценный и малоинформативный, но мы показали, какую бездну информации можно из него извлечь...

Соковнины были мышкинскими помещиками (усадебная Шепелево). Встает вопрос, как предмет вообще попал в Ростов? Можно предпо-

ложить, что к этому имеет отношение дочь Сергея Петровича Дарья (в архиве А. М. Никольского есть и ее письмо, где она в подробностях описывает свое горестное положение после смерти родителей и брата). В 1889 г. один из соревнователей Ростовского музея, археограф и палеограф епископ Амфилохий опубликовал факсимильное издание рукописи «Стихов на страсти Господни» Димитрия Ростовского, происходившей из библиотеки С. П. Соковнина и ошибочно атрибутированной им как автограф святителя. На титульном листе рукописи имеется запись архимандрита Спасо-Яковлевского монастыря Иннокентия от 21 сентября 1830 г., со-

гласно которой она передана в обитель Дарьей Соковниной «вместо дражайшего вклада на самый праздник великого [святого] [Дмитрия] Чудотворца».

Любопытно, что рукопись каким-то образом оказалась у диакона церкви села Поречья Н. В. Писарева, после кончины которого в 1888 г. она была возвращена в монастырь. Если задействовать воображение, то можно предположить, что и еще какие-то книги из библиотеки Соковниных осели у кого-нибудь из ростовских любителей старины, и вот в одной из них между страниц и был заложен счастливой отысканный «входной билет».

Дмитрий Чекмасов

Музейные экспозиции

«Вел активную подрывную работу в области народного образования...»

На выставке «Иван Васильевич»: путешествие во времени» в разделе, рассказывающем о создании пьес М. А. Булгакова «Блаженство» и «Иван Васильевич», представлены образцы массовой антирелигиозной литературы 1930-х гг. Среди них – номера иллюстрированных журналов «Безбожник» и «Безбожничка», брошюры «Религиозная травля в Польше», «Богородицны праздники», «Роль церковников и сектантов в СССР», небольшая книжка Ф. Н. Писарева-Боголюбского «Ростов с точки зрения безбожника» (ил. 1). Эти издания часть обширного комплекса литературы сталинской эпохи, сохранившегося в научной библиотеке Ростовского музея.

Наибольшую краеведческую ценность среди этих предметов представляет напечатанная в 1929 г. брошюра «Ростов с точки зрения безбожника». Ее автор – Федор Николаевич Боголюбский (Писарев – псевдоним) – попытался охарактеризовать состояние антирелигиозной пропаганды в Ростовском уезде, определить цель и задачи предстоящей борьбы, показать свою роль как председателя Ростовского уездного совета Союза безбожников.

Судьба автора этого произведения была непростой: на момент публикации Боголюбский работал преподавателем Ростовского педагогического техникума. В 1932 г. он был назначен на руководящую должность и стал председателем Ростовского районного отдела народного образования. При этом законченного высшего образования Боголюбский не имел: еще в 1916 г. его, студента Демидовского юридического лицея, отправили на фронт. В 1919–1920 гг. Боголюбский служил в карательном

батальоне Красной армии, возглавляя совет полковых судей в Ярославле. Переменчив несколько мест службы, он демобилизовался и переехал в Ростов.

Антирелигиозной пропагандой Федор Боголюбский занялся не случайно: он сам происходил из семьи священнослужителя (родился в 1893 г. в семье диакона), окончил Ярославскую духовную семинарию. Православную церковь знал изнутри: в 1918 г. даже исполнял обязанности псаломщика.

Вероятно, происхождение и стало одной из причин его травли, развернувшейся с середины 30-х годов. Ростовская газета «Большевистский путь» не раз писала о том, что Боголюбский допускал грубые ошибки в работе. В его автобиографии, написанной в 1937 г. и сохранившейся в ярославском Центре документации новейшей истории, упомянут выговор с занесением в личное дело, полученный за «статью с контрреволюционной поговоркой «рыба тухнет с головы», которую Боголюбский пропустил на страницы районной газеты. Вскоре в парткабинете Ростовского райкома ВКП (б) были обнаружены «журналы со статьями врагов народа», за что Боголюбский, как ответственное лицо, получил еще один выговор. На VIII Ростовской районной партконференции среди множества недостатков в работе райкома была отмечена и слабая постановка антирелигиозной пропаганды.

В сентябре 1937 г. Ф. Н. Боголюбский был арестован: ему были предъявлены обвинения, соответствующие статьям 58–7 и 58–11 Уголовного кодекса. В Государственном архиве Ярославской области хранится следственное дело Боголюбского – ценный исторический источник (Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С7726).

Ил. 1. Витрина в экспозиции выставки «Иван Васильевич»: путешествие во времени». ГМЗРК

По версии следствия, Боголюбский являлся участником повстанческо-террористической организации правых и принимал непосредственное участие в подготовке вооруженного восстания против Советской власти». В показаниях одного из свидетелей – М. В. Кузнецова – отмечалось, что обвиняемый «форменным образом разваливал школьное дело». «Вредительский» было выстроено здание средней школы № 2 в Ростове: «с деревянными лестницами и одним выходом», она была крайне «опасна в пожарном отношении». Под руководством Боголюб-

ского «разрушались» здания школ в Исадах и Исаково. Срывалось финансирование изб-читален и библиотек, «в загоне» находилась ликвидация неграмотности. Здание Борисовской начальной школы Сулостского сельсовета из-за нехватки дров не отапливалось до января 1937 г.: учителя и дети «занимались в полях» (именно так указано в источнике!). Директор школы А. А. Чинарина процитировала ответ Боголюбского на ее вопрос о доставке топлива в школу: «Я не лошадь и дров вам не привезу». Директор Макаровской средней школы Е. А. Соколинская указала,

что Боголюбский, будучи сыном попа, специально подбирал кадры с целью развала школы (а именно, направил на работу учительниц Преображенскую и Хайлову: первая была исключена из комсомола за поддержку троцкизма, а вторая «класс развалила и из школы сбегала»).

Справедливости ради следует заметить, что в 1937 г. вместе с Ф. Н. Боголюбским были репрессированы многие руководители районного и областного масштаба. Обвинения об участии в повстанческо-террористической организации, в отличие от остальных,

Ф. Н. Боголюбский отрицал, лжесвидетельством не занимался, но это не помешало военной коллегии Верховного Суда приговорить его к высшей мере наказания.

Приговор был приведен в исполнение 4 октября 1938 г. на полигоне в районе деревни Селифонтово. Здесь, в братской могиле, похоронены 187 человек – рабочие, крестьяне, священнослужители, расстрелянные с 3 по 6 октября 1938 г. Спустя два дня, 6 октября, в этой же могиле был погребен и митрополит Павел, глава Ярославской и Ростовской епархии.

Дмитрий Леонов

По страницам газеты «Северный край»

Экология по-ростовски начала XX века

Во время холерной эпидемии в России на рубеже XIX–XX веков большое внимание уделялось экологическому состоянию и организации мероприятий против распространения заболевания. В ростовских «письмах», «хрониках» и «заметках», печатавшихся на страницах газеты «Северный край» (далее – СК) и ее продолжений – «Северная мысль» (далее – СМ), «Северные отклики» (далее – СО), «Северный голос», «Северная речь» (далее – СР), «Северная газета», «Северные вести» (далее – СВ), «Родной край» (далее – РК) и др., часто освещались проблемы, связанные с экологией Ростова и уезда и проведением здесь противохолерных мероприятий.

На протяжении всего времени актуальным являлся вопрос о состоянии городских водоемов, оставшихся для многих жителей основными источниками воды. Значительное количество газетных статей было посвящено озеру Неро. Авторы сообщали о «гнилостных выделениях», «зеленоватой грязной воде», «зловонном» и «клоачном» дне водоема (СК. № 19 от 21.01.1902; СК. № 234 от 27.09.1905; Северная газета. № 13 от 28.06.1907). Критически оценивая состояние озера, среди причин его загрязнения выделяли, прежде всего, «человеческий» и «промышленный» факторы. Неоднократно сообщали о сбросах в Неро содержимого ассенизационных обозов, банных и фабричных нечистот. «О, бедное, бедное озеро! – восклицал ростовский корреспондент. – Были времена, когда в тебе была чистая вода, и ее пили люди, но пьют ее и теперь...» (РК. № 23 от 01.02.1909).

Говоря о ростовских болотах и прудах, авторы заявляли не только об их «бесполезности», но и «безуловной вредности». В осеннее время водоемы покрывались «толстым слоем подозрительной плесени, заставляющей предполагать присутствие в гнилой воде разного рода микроорганизмов, может быть, наполняющих собою воздух» (СК. № 234 от 27.09.1905). Так, обращая внимание на состояние пруда около храма Благовещения на улице Благовещенской (в настоящее время – Луначарского), превращенного «в какую-то вонючую клоаку, способную только для распространения заразы» (СК. № 204 от 03.08.1901).

Неоднократно требовали проведения мер в отношении «болота» перед Димитриевским духовным училищем, располагавшемся в Ростовском кремле (ил. 1). «Присутствие этого болота как нельзя более несимпатично, – писал ростовский корреспондент. – Атмосферу, в которой живут ученики, оно делает, безусловно, вредной в гигиеническом отношении. Около училища, т.е. по берегам этого вонючего водоема, расположен небольшой садик, в котором ученики играют в свободное от занятий время. В силу необходимости им приходится дышать вредным для здоровья воздухом. Может быть, присутствием этого болота и обуславливается осенью большой процент заболеваемости среди учеников училища лихорадкой и др[угими] болезнями... сторожа моют полы в классах училища водой из этого болота, что также весьма несимпатично, ибо воздух в здании после такой «гнилой дезинфекции» бывает испорчен до невозможности» (СК. № 234 от 27.09.1905). В 1906 г. писали, что находившееся здесь «нечто» среднее между лужей и прудом «покрылось отвратительной плесенью, и в жаркие дни воняет», и сокрушались, что никому в голову не приходит его «ни вычистить, ни засыпать» (Северный голос. № 3 от 01.06.1906).

РОСТОВЪ Ярославской губ.—RUSTOFF (Gouv Jaroslaw).
Димитриевское Духовное училище.

Ил. 1. Ростов Ярославской губ. Димитриевское духовное училище. Открытое письмо. Начало XX в.

К зловониям городских водоемов добавлялись другие неприятные запахи. Говорили, что ростовский обыватель «приучен ежедневно встречаться с городским ассенизационным обозом, облуживающим известные места. Из бочек течет, и встречного точно дубинкой по обонянию стукнет». Однажды на площадь около Мытного двора свезли «несколько возов» мусора и, «чтобы избежать расходов по зачистке его в ямы», зажгли. «Смрад пошел ужасный по всему городу» (СК. № 113 от 01.05.1903). «Мимо мясных рядов приходится проходить, зажавши нос: так силен букет порченого мяса и колбас» (СО. № 23 от 28.05.1906). С началом весны «существование цинкорных фабрик начинает напоминать о себе очень ощутительно. Противный приторный запах, присущий такого рода фабрикам, почти не был замечен зимой. Теперь же, особенно в тихую погоду, этот тошнотворный дым стелется над городом, благодаря очень незначительной высоте фабричных труб. [Господам] фабрикантам не худо бы подумать о том, что город населен живыми людьми, не лишенными обоняния, и принять соответствующие меры» (СМ. № 12 от 31.03.1906).

Ростовские корреспонденты обращали внимание и на другие факты, негативно влиявшие на городскую экологию: «Жаркая погода. Малейший ветерок поднимает с мостовых тучи пыли, крутит ее в воздухе и бросает в лицо и на одежду прохожих» (СК. 1903. № 148 от 08.06.1903). «Вся пыль, образовавшаяся от высохшей грязи, сметается теперь в кучи, по бокам улиц. Странно именно то, что эта операция производится не вечером, не утром и не ночью, а днем, т.е. когда это нигде не делается, потому что огромные тучи пыли ходьбу по улицам делают совершенно невозмож-

ной» (СО. № 3 от 30.04.1906). «Возчики, проезжающие по окраинным улицам с бочками после очистки ретиранных мест, часто вываливают содержимое бочек тут же на окраинных улицах... Весь центр города, особенно в торговых рядах, около мясных лавок, булочных, особенно трактиров, покрыт естественными загрязнениями от процесса удовлетворения естественной нужды» (РК. № 23 от 01.02.1909).

В рамках данной темы нельзя обойти вниманием событие, затронувшее ростовское общество. Осенью 1905 г. ростовцы были встревожены зловонием, распространявшемся со стороны улицы Лазаревской (в настоящее время – Революции). Оказалось, что источником запаха было поле, принадлежавшее клиру церкви Воскресения Лазаря. В 1860-е гг. в этом месте возникли массовые братские захоронения жертв холерной эпидемии, и насыпанные здесь курганы оставались памятниками страшного бедствия. В 1905 г. причт Лазаревской церкви сдал бывшее холерное кладбище в аренду некоему огороднику, который приступил к разработке участка. «Работники разрывали могилы, выбрасывали отсюда груды человеческих костей, черепов; попадались даже уцелевшие женские косы». Священник отрицал наличие здесь могил и уверял, что здесь находилось кладбище для лошадей. «Никакие уверения в том, что у лошади не бывает человеческого черепа, не действовали на священника», – иронизировал корреспондент. По требованию жителей города земляные работы были прекращены. В 1906 г. в Ростове распространялись слухи о сдаче кладбища другому арендатору (СМ. № 24 от 16.04.1906).

На фоне описанных событий корреспонденты рассказывали об усилиях, которые предпринимались

в Ростове для защиты жителей от возможного распространения холеры. Городские власти обращали внимание на санитарное состояние дворов, канав, прудов и улиц. В 1905 г. территорию города решили разделить на участки, которые должны были контролироваться специально назначенными «участковыми попечителями». В их обязанности входило обследование домов, постоянных дворов, мест ночлега «бездомного люда» и слежение за приведением помещений в надлежащее санитарное состояние. В случае невыполнения определенных требований предполагалось обращение к содействию полиции. На окраинах города планировалось размещение пунктов для походных аптек с бесплатной выдачей лекарств и кипяченой воды. Вода из городского водопровода отпускалась бедным горожанам также бесплатно. Ежедневно к прибытию пассажирских поездов должен был командироваться фельдшер для оказания медицинского наблюдения и помощи (СК. № 83 от 29.03.1905).

В Ростовском уезде для предупреждения холеры были выделены «до 10 тысяч рублей» и выработаны соответствующие «правила» (СК. № 83 от 29.03.1905). Специально приглашенные студенты проводили санитарное обследование уезда. В ходе данных работ заведения в приозерных селениях были найдены «особенно в жалком санитарном состоянии». Местные жители отрицательно относились к деятельности студентов: «Испортили у нас студенты воду-то. Сначала сами пробовали. Потом камешки на ниточке спускали туда. Ушли они, а вода-то и покраснела. Никто и не попьет теперь. Все боятся. Ходим на другой колодец, а даль-то какая! Мужики наши уже больно осерчали. Приходи, говорят они, опять к нам, так мы их посадим вниз головой

в колодцы-то. Будут портить воду...» (СК. № 181 от 24.07.1905).

Корреспонденты сообщали о массовых поступлениях в городскую больницу людей «с слабыми признаками жизни» и требовали проведения спроектированных противозидемических мер. «Стоит ли повторять, что обыватель кругом запакощен... ему от пыли некуда деваться, а воды, которую дума обещала бесплатно, иногда не достанешь и за деньги, так что приходится пользоваться гнилой из озера». «Внушают большое опасение обожит рабочих на цинкорных фабриках Вахрамеева, Селиванова, Стрижикова, бараки рабочих на постройке гимназии» (СВ. № 6 от 22.07.1908). В одной из иронических заметок следующим образом описывалась работа в Ростове санитарной комиссии: «Смотрит обыватель: полиция, управский член, доктора, люди какие-то около валов по-за городу ходят, в Пигу, в канавы... глядят, нюхают, трогают, пишут. – Да это, вишь, санитарная комиссия осмотр производит, холеру ищет – не проживает ли по не прописанному паспорту? – Держи карман, так она тут им и сидит. Хоть и много мусора, дряни всякой за валами навалено, да дрянью-то все эта – благородная, с барского двора свезена. А потому не холерная. В других местах бы походили» (СВ. № 18 от 18.09.1908).

Рассмотрев сообщения местной периодической печати начала XX века, можно в целом говорить о неблагоприятной экологической обстановке в Ростове в это время. Последнее выражалось в несоответствующем санитарным требованиям хранении и уничтожении отходов, загрязнении водоемов, улиц, воздуха. Корреспонденты негативно оценивали и проведение противозидемических мероприятий в городе и уезде.

Алексей Киселев

Живописный титовский сад

На протяжении столетий Ростов был известен своими садами. В XIX веке ими были окружены почти все ростовские дома, а позже, уже к середине XX-го, деревьями, кустарниками и многолетними цветами были засажены пространства между валами и Окружной улицей.

Были, конечно, среди ростовских городских садов особенно известные. Так, восторги горожан в XIX веке вызывал «райский сад» П.В. Хлебникова, но сейчас на его месте плац воинской части. Яркие детские впечатления от посещения сада из старых лип у дома Шляковых, занимавшего пространство от улицы Ярославской (ныне – Пролетарской) вплоть до берега Неро, сохранились в воспоминаниях шляковских «внучат». Сейчас на месте шляковского сада – гаражи. Мало что осталось от производственных садов при усадьбах Л.Ф. Кекина и И.В. Кекина...

Словом, о той традиционной ростовской культуре садов с березовыми и липовыми аллеями, дубами, лиственницами и даже кедрами, яблонями, сливами и вишнями, обязательными прудами с чистой прозрачной водой (один из них был такого размера, что в нем размещался искусственный остров с беседкой) сейчас мы можем судить лишь по отголоскам воспоминаний и впечатлений, старым публикациям, архивным документам, реже – по фотографиям и произведениям изобразительного искусства.

Одному из самых известных ростовских садов – саду усадьбы Титовых (ныне – Ленинская, 56) – в этом смысле повезло немного больше. Поскольку в доме Титовых после национализации разместился сельскохозяйственный техникум, то за садом ухаживали профессионалы, и он несколько десятилетий сохранял первозданную планировку, старые посадки и даже малые архитектурные формы.

В конце 1930-х гг. красота титовского сада привлекла выпускника ростовской средней школы № 1 Ростислава Галицкого, в будущем – известного советского художника.

В 1939 г. он станет студентом Ярославского художественного училища, в 1940 г. будет призван в Красную армию, дальше – фронт, плен, долгий путь возвращения на родину, окончание Московского государственного художественного института им. В.И. Сурикова, всесоюзное признание. Но все это впереди...

А пока он наслаждается теплым летним днем в одном из красивейших тогда уголков Ростова, фиксируя свои впечатления кистью и красками (ил. 1). Обобщенные купы деревьев под ясным, с легкими облаками небом, яркие пятна цветов, посыпанные песком дорожки сада, на развилке которых установлен классических форм белый вазон с карминно-красными цветами – все написано легко, живо, и динамичные красочные мазки словно передают едва заметные движения теней.

Ил. 1. Р.Н. Галицкий (1920–1979). Сад Титова. Этюд. Конец 1930-х гг. Картон, масло. 20×30. Частное собрание

Скорее всего, Р.Н. Галицкий в тот день не ограничился написанием одного этюда, вероятно, им были запечатлены и другие уголки титовского сада. Но в настоящее время известен только этот этюд, сохранившийся в одном ростовском частном собрании.

Елена Ким

Древнерусские кресты и иконки, найденные в урочище Гора Святой Марии

Письменные сведения о церквях в округе Ростова относятся в основном к XVII в. Упоминаний о церквях в XIV–XVI вв. значительно меньше, что связано с малым количеством письменных источников, дошедших до нашего времени. В данном случае о распространении христианства в сельской местности историки могут судить только по предметам с христианской символикой.

За время работы Археологического сектора Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» в лесном урочище Гора Святой Марии (в 35 км на юго-запад от Ростова, 30 км на северо-северо-восток от Переславля) с 2016 г. по 2023 г. была собрана представительная коллекция таких предметов (ил. 1). Для ее оценки как исторического источника нужно иметь в виду, что церковь «Святой Марии» упоминается в этой местности очень рано – в 1216 г. Это первое письменное свидетельство о деревянной сельской церкви

Северо-Восточной Руси.

Судя по редкому посвящению храма (в честь Марии Египетской) и находкам предметов вооружения местность была связана с княжеской властью. Датировка рассматриваемых предметов укладывается в период от второй половины XII в. до 1238 г. – времени монгольского нашествия, когда многие города Северо-Восточной Руси были уничтожены.

На селище Филимоново 2 – старейшем в комплексе памятников – были найдены энколпион, крест, крестоспиральная подвеска, фрагмент иконки с изображением Богоматери Оранты (ил. 1, а, в, г, е).

Самая значимая находка – целый энколпион. На его лицевой стороне изображен распятый Иисус Христос, на оборотной – неизвестный святой. По одной из версий – это св. Борис – один из князей-мучеников, по другой – Иоанн Богослов. Вторую версию, как будто, подтверждает надпись на лопастях

креста, однако ее прочтение затруднительно. Производство подобных энколпионов связывают с Северо-Восточной Русью, т.к. находки концентрируются именно на этой территории.

Примечательно, что такой же энколпион, но без оглавия, найден на селище XIII–XV вв. в пустоши Можжевелка, а отдельная лицевая створка – на селище XIII–XV вв. у Мирского пруда. Эти поселения удалены примерно на 900 м от памятника Филимоново 2 и на около 600 м друг от друга.

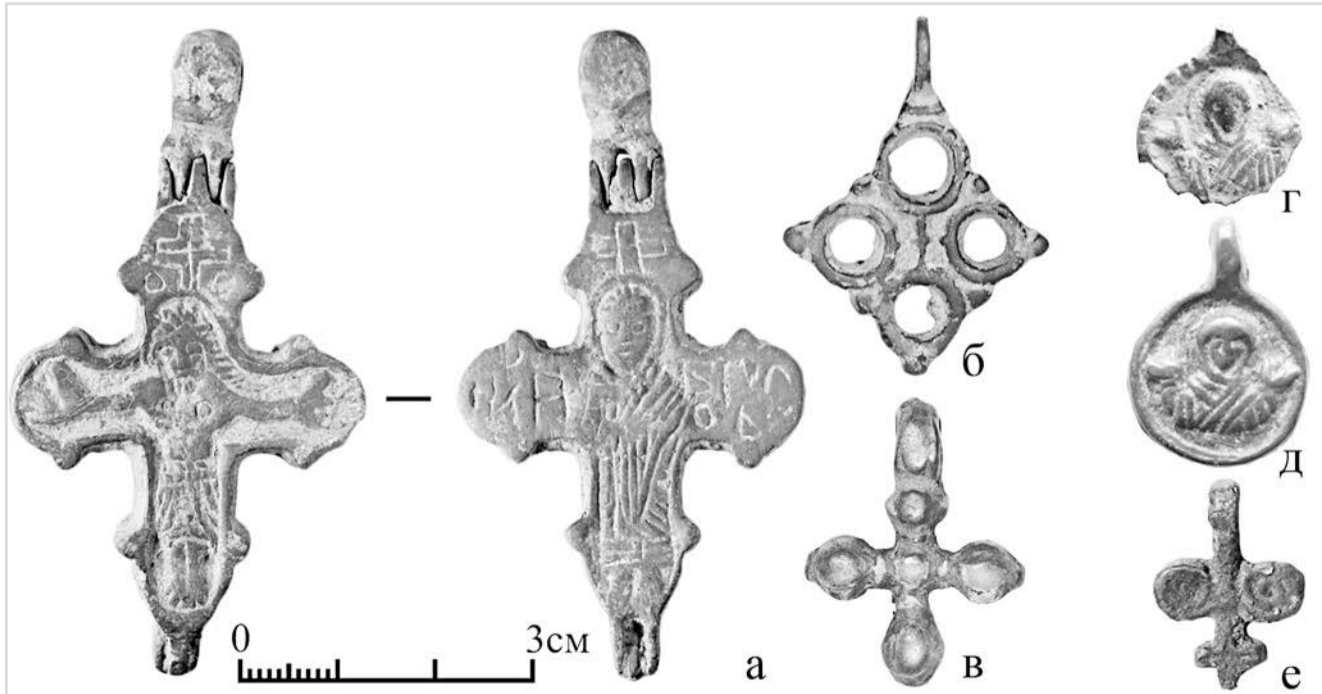
Ажурная крестовидная подвеска (ил. 1, б), обнаружена в 250 м от селища Филимоново 2, в его хозяйственной зоне. Такие подвески получили распространение на всей территории Древней Руси. Для некоторых подвесок могут возникнуть сомнения в их отнесении к христианской символике (ил. 1, б, е). Однако в более ранние – языческие – времена они не известны. Оба вида подвесок встречены в женском погребении, раскопанном на р. Суде (Вологодская область). В том же погребении найдено восемь других типов крестов и четыре вида христианских иконок. Также необходимо отметить большое разнообразие крестов, бытовавших в эпоху Древней Руси.

Еще одна иконка с изображением Богоматери Оранты обнаружена на селище XIII в. на «Глухом враге», удаленном на 1,7 км от памятника Филимоново 2. Находки таких иконок концентрируются в Северо-Восточной Руси. При оценке полученных данных нужно иметь в виду, что одна часть находок с христианской символикой, по всей видимости, по-прежнему залегает в культурном слое памятников, а другая часть таких предметов могла быть извлечена в ходе незаконных работ т.н. «черными копателями», первые следы работы которых были зафиксированы в 2004 г.

При сравнении коллекции из урочища Гора Святой Марии с находками из Ростова выявляется следующий факт. Подобным пяти рассмотренным предметам в городе найдены только крестоспиральные подвески (ил. 1, е), хотя городская коллекция христианских древностей разнообразна. В ней есть несколько энколпионов, круглых иконок, широкий ряд натальных крестов, среди которых имеются не только литые, но и каменные и деревянные.

С чем связано несоответствие сельской и городской коллекций – еще только предстоит выяснить. Одной из причин, видимо, является относительно небольшая площадь раскопок в городе, в которых сохранились и были изучены напластования XII–XIII вв.

Алексей Каретников, Александр Верин, Вера Каретникова

Ил. 1. Предметы с христианской символикой из урочища Гора Святой Марии. Вторая половина XII в. – 1238 г. ГМЗРК